

Панова З.С.

УДК 821.152

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И АНТАГОНИЗМ ПОКОЛЕНИЙ
В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Актуальность темы. Развитие крымскотатарской литературы последних десятилетий сформировало базу, позволяющую не только восстановить многие ее неизвестные страницы, но и рассмотреть затушеванные ранее различные аспекты этно-культурного бытия, динамику и тенденцию его развития в зависимости от меняющихся условий жизни.

Одним из «вечных» вопросов каждого общества является проблема преемственности, (возможно, и отторжения) традиционной нравственно-этической системы как основного фактора сохранности этноса – иными словами, традиционная проблема «отцов» и «детей», способы разрешения которой поливариантны в зависимости от множественности факторов, составляющих как ментальную характеристику самого общества и так уровень его общей культуры. При веками устоявшемся образе жизни проблема разрешается как бы сама собой, не проявляясь внешне, но во времена исторических перемен она предстает особенно остро, зачастую меняя весь последующий уклад жизни социума. Универсальной инструкции по управлению общественного механизма нет, однако изучение социальных процессов, тенденций и закономерностей их развития позволит спрогнозировать стратегию развития общества и сохранить его ментальность.

Этно-психологическое разрешение этой проблемы по-крымскотатарски имеет специфические черты, обусловленные прошедшим ходом исторического развития. Объектом изучения является проблематика смены поколений в романе Дженгиза Дагджи «Они тоже были людьми», где этот вопрос, хотя и не является основным, но проявляется иногда достаточно явственно, что позволит выявить некоторые закономерности этого явления.

Цель исследования: раскрыть закономерности процесса стагнации или изменения общественного сознания, выявив их закономерности и тенденции развития.

Задачи:

- рассмотреть этно-культурное состояние крымскотатарской общины начала XX века;
- выявить несоответствие традиционного консерватизма новым требованиям времени;
- исследовать основные закономерности трансформации или кардинальной ломки традиционных взглядов и пути их упорядочения в соответствии к изменившимся условиям.

Классическим примером смены поколений, с одной стороны, отразившим состояние российского общества второй половины XIX века, с другой, выработавшим гибкую модель для исследования общих закономерностей этого явления, стал роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Трагическая развязка романа лишь подчеркивает мастерство автора, сумевшего точно отобразить механизм явления, которое И. С. Тургенев, как гениальный писатель, сумел детально проанализировать, но в силу личного консерватизма не смог до конца разобраться. Одна из причин этого – вследствие бурного развития естественных наук слишком быстро изменившее сознание «детей», что, вызвав конфликт духовного и материального, вызвало сбой естественного хода развития общества. [1]

Для крымскотатарского общества подобная резкая смена в сознании поколений со всеми вытекающими из нее конфликтами не является характерной по ряду причин. Первая и основная причина в сложившемся веками иммунитете «отцов» - неоспоримо и априори уважительное отношение к старшему поколению, ставшее не только частью воспитания детей, но и стойко сохранившейся до наших дней составляющей этнической морали. Во-вторых, этническое просвещение в Крыму после утраты государственности застыло на прежнем уровне. На протяжении 130 лет, последовавших после аннексии Крыма, народное просвещение продолжало существовать по инерции, в той же самой форме и том же содержании, что и во времена крымских Гераев. Но, если во времена ханства, вопреки распространенному стереотипу о невежестве мусульман, бытовавшая в то время система просвещения, когда каждый мусульманин мог писать и читать, была относительно прогрессивной, но веками продолжавшееся оцепенение вскоре превратило схоластическую школу в тормоз на пути прогресса. По официальным данным в начале XX века в Крыму насчитывалось около 500 мектебов и 16-17 тыс. учащихся [2], т. е. системой просвещения, какой бы она ни была по содержанию, было охвачено все население.

Вот как описывает образование в традиционной школе – мектебе – наблюдавший ее краевед В. Смирнов: «Обучаются в мектебах, прежде всего чтению на арабском языке, языке священного писания. Смыслу читаемого придается большое значение, но, в то же время, перевода в обычном смысле не делается, а лишь сообщается смысл прочитанного, т. к. сами преподаватели древнеарабского не знают и передают содержание по памяти. Трудность обучения увеличивается сложностью арабского правописания и витиеватостью шрифтов. Выдающиеся ученики научаются бегло читать Коран, что высоко ценится населением, однако этого недостаточно, чтобы такой ученик умел читать что-нибудь и другое. Кроме чтения Корана в мектебах преподается, уже на родном языке, правила морали, состоящих из отдельных поучений на каждый случай жизни. Дисциплина стоит на высоком месте». [3]

Царская администрация не вмешивалась в жизнь «инородцев», не изменяя привычный уклад жизни, но и проводя никаких реформ или изменений в области народного просвещения. Русский писатель Е. Марков отметил в своих «Очерках Крыма»: «... скажем откровенно: действительно ли мы дали крымскому татарину лучшую жизнь? Татары и до нашего завоевания высоко ценили народное образование и в этом отношении развили его у себя в Крыму гораздо более, чем мы развили свое собственное образование у себя

в России..., они опередили нас в сознании общей обязательности образования. Мы, русские, овладев Крымом, не научили татарина ничему европейскому. Мы только сократили количественные размеры его собственного прежнего образования, сократив, вместе с сокращением населения, число татарских школ. Мы, русские, в течение восьмидесяти лет не распространили среди татар ни малейшего образования, ни малейших технических знаний». [4]

Это, конечно, в некоторой степени объясняет длительный застой этнического развития, но не дает исчерпывающего ответа на вопрос о причинах возникновения: «Если русские Крыму, точнее крымским татарам, так ничего и не дали, то и крымские татары в свете своих старых традиций и религиозных представлений упорно не хотели чего-либо перенимать. Старые школы, медресе, орудия земледелия, ручное производство и простая торговля – все оставалось на том же самом уровне». [5]

Анализируя этот общественно-исторический процесс, известный крымскотатарский общественный деятель начала XX века Джафер Сейдамет зафиксировал это состояние: «Как и весь Восток, тюркские края разваливались теперь не столько от внешних врагов, сколько изнутри. В нас иссякла духовная, экономическая и политическая жизнь. Окружающий мир стремительно развивался к лучшему, нас же уже принимали за покойников, – но и этому мы умудрялись придать религиозную значимость!.. Результат этого морального разложения проявился вовсе не в укреплении социальной и экономической жизни, а в ее еще большем разладе и угасании. Отныне тюркский мир пал настолько низко, что надежды на спасение возлагал разве что на ангелов. Безвольно склонив голову, он покорно ждал неминуемой трагической развязки. Потому и не мог ее предотвратить». [6]

Причиной общественного кризиса национального общества стала не обычная в этих случаях темнота и безграмотность народных масс, а устойчивая ситуация безвыходности, потому как и развиваться было некуда – администрация, врачи, инженеры, юристы – все говорили на чужом для народа русском языке. Этническая замкнутость сформировала к началу XX века соответствующий массовому сознанию устойчивый уклад жизни; читать могли все, но национальная замкнутость распространяла это умение лишь на чтение религиозных текстов.

Издание И. Гаспринским массовой газеты «Терджуман» с 1883 г. было возможным благодаря умению мусульманского населения Крыма и за его пределами ее читать, что было для Российской империи конца XIX века явлением, распространенным далеко не повсеместно. Газета была почти в каждой кофейне. Но усвоение информации было далеко неоднозначным, в отличие от естественного расхождения, ограниченная инертностью, в основном, старшего поколения, это расхождение было более разительным. Оттого даже полученные сведения трансформировались в сознании в неведомые образы. Так, увидев возле своего дома двух русских переселенцев, хозяева дома, не выдавшие такой тип людей никогда прежде, выстроили свой, удобовоспринимаемый ими ассоциативный ряд, позиционируя вновь увиденное с имеющимися прежними представлениями. Старший, бородатый крестьянин напомнил им показанный им дочерью Айше в газете портрет Карла Маркса, имя которого, из-за невозможности произнести такое нагромождение согласных, они тут же переделали в Кала Мала:

– Тот бородатый, должно быть, и есть Кала Мала, а рядом его сын – комолизма.

Айше внимательно взгляделась в людей, стоящих у плетня, и, улыбнувшись, пояснила:

– Это не Карл Маркс, мама. Карл Маркс сто лет назад умер. А коммунизм – это не человек, это партия такая, организация.

– А человек из твоей вчерашней газеты – вот этот бородатый и есть! [7]

Несмотря на то, что разница во взглядах «отцов» и «детей» представляет «дистанцию огромного размера», она разрешается снисходительной благожелательностью «детей» к «отцам», которые готовы к ним прислушаться, но только в конкретных случаях. А в общем авторитет старших непрерываем.

Социальные изменения всколыхнули и татарскую деревню. Привычное течение жизни, обсуждаемое в кофейнях, нарушилось. Традиционное мировоззрение оказалось не готовым к восприятию нового и непонятного, которое теперь уже мало обговорить, но теперь уже на него и отреагировать действием. Подобная кризисная ситуация непременно должна разрешиться, исход которой обозначал бы укрепление позиции одних или других.

В лагерь «детей» еще только вступает подросток Селим, его слова обычно вызывают раздражение. Переноса насмешки односельчан, а, иногда и подзатыльники строгого отца, он не подчиняется инерции сложившегося уклада, определяемого «так надо» и «так думают все», а воспринимает мир по своей собственной мерке, укрепляясь в своей позиции по мере взросления. Укоренившиеся взгляды «отцов», Бекира-ага, и еще только формирующаяся позиция «детей», подростка Селима, естественно, вступают в конфликт:

– Рта не даешь открыть молодым, Бекир ага! И отец мой точно такой же, как ты. Говорит, что разговаривать я не умею, а кто виноват в этом? Мы? А, может, - вы?

– О-хо-хо, посмотрите-ка, как он заговорил, заговорил-то как!

– Сами не учились и нас не учите. Сколько я отца просил, чтоб он меня в Ялту в школу отдал. А он: «Ты что! Ты - человек земли, разве можно землю бросить и в школе расслаиваться?!» Да сами-то вы тех, кто как молла Эреджеп попугаем молитву «Эллезие» твердит, ученым человеком называете, не так ли? А, по-моему, не так! По-настоящему говорить тот может, кто в школе учится! Если б вы раньше учились и нас бы выучили, сегодня бы ту дорогу не чужие строили, а мы, и тогда деревенские поля взорванными скалами

не засыпали бы. И асфальт бы мы покрывали, и в афтанабиле (автомобиле) бы мы сидели. А если бы за рулем сидели мы, то и беды бы никакой не было. Правильно, Энвер-ага?

– Правильно!

– Эх! А сейчас мы на что годны? Только камни таскать, да приказы исполнять! – выговорив это, Селим вскочил на лошадь и направился в соседнее село». [8]

В молодом поколении, сознание которых еще не сковано вековыми стереотипами, исподволь зреет иное сознание – не плыть по течению, приспособляясь к обстоятельствам, а, пока, хотя бы, задуматься над возможностью изменить эти обстоятельства. Здесь очень важно, насколько старшее поколение способно понять младших:

«Бекир и Энвер так и остались сидеть, не проронив ни звука. Словно слова Селима стрелами пробили их сердце. На побледневших лицах обреченность осенней листвы. Голова Бекира тяжело склоняется на грудь, глаза заволакивает туман. Глядя перед собой в землю, он, как бы самому себе, говорит: «А, ведь, мальчишка прав...». И, словно желая убедить в этом не сидящего рядом Энвера, а раскинувшуюся под ногами землю, повторил:

– - Пра-а-ав! [9]

Автором дан обратный эффект разрешения сложившихся обстоятельств: если в стандартной ситуации повзрослевшие «дети» не приемлют «отцов», то в этническом сообществе, где сильны внутрисемейные связи, подобный конфликт приводит не к окончательному разрыву, а, распространяясь на всех членов общества, становится частью коллективного сознания.

Заключение

Система передачи исторического опыта, века сохраняющая культурный стержень этноса, гибка и динамична, не выносит ни косности и догматизма, ни кардинальных революционных всплесков, что, в обоих случаях для нее губительно, может привести в первом случае к вырождению, во втором – сбою самого механизма, изменению хода развития самого общества.

Исторически обусловленные замкнутость и застой социального положения коренного населения, с одной стороны, и невозможность выхода из этого состояния, так как их участие в культурной и хозяйственной жизни было заблокировано массовым заселением пришлыми людьми, говорящими на ином языке, с другой стороны, – все это вызвало устойчивую стагнацию в социальной и хозяйственной жизни, которая по мере продолжения становилась серьезной угрозой самому существованию этноса.

Однако в недрах самого социума постепенно формируются, не без определенных трудностей, ростки иного восприятия реальности, способные в будущем привести к оздоровлению общественного сознания.

В перспективе изучение этой проблемы не только на примере этого произведения, но и распространение этой проблематики и на другие, позволит изучить и выявить основные типы этнопсихологии народа, что составит несомненный интерес не только для специалистов, но и для всех тех, для кого небезынтересна культура Крыма.

Источники и литература:

1. И. С. Тургенев // История русской литературы. – Л., 1982.
2. Смирнов В. Путеводитель по Крыму / В. Смирнов. – 1913. – С. 295.
3. Там же. – С. 294-295.
4. Марков Е. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории, природы / Е. Марков. – СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1872.
5. Там же.
6. Сейдамет Дж. Некоторые воспоминания / Дж. Сейдамет // Полуостров. – 2009. – № 2.
7. Дж. Дагджи. Они тоже были людьми : рукопись / Дж. Дагджи; пер. Ш. Абдурамановой. – 1958.
8. Там же.
9. Там же.